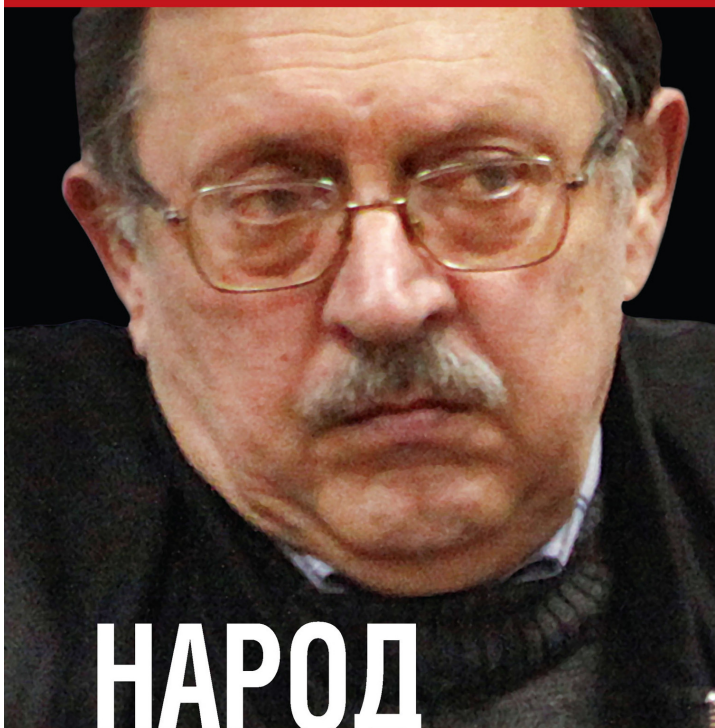

ЮРИЙ
МУХИН

**НАРОД
БЕЗ ЭЛИТЫ**

Юрий Игнатьевич Мухин

Народ без элиты

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61810146
Народ без элиты / Ю.И. Мухин: Родина; Москва; 2020
ISBN 978-5-907332-18-8

Аннотация

В своей новой книге популярный писатель и публицист Юрий Мухин рассматривает историю той части общества, которая присвоила себе право называться «духовной элитой России». В книге показано, как эта прослойка жила и процветала в Российской империи, в то же время разрушая ее, как благоденствовала в Советском Союзе и разрушила его во имя собственной алчности; как продолжает паразитировать на народе и лгать ему в нынешнее время.

Какой на самом деле должна быть элита России, как добиться того, чтобы она служила народу? – автор дает ответ и на эти вопросы.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Глава 1	4
Простой народ	4
Элита России	15
В сравнении с Западом	21
Либерал на троне	24
Паразитизм как принцип жизни	28
И учиться не хотели	41
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Юрий Мухин

Народ без элиты

Глава 1

Элита России. Паразитизм

как принцип жизни

Простой народ

Тему о происхождении интеллигенции начну очень изда- лека – с того, что издревле население России, как и во всём мире, делилось на части по своим обязанностям и правам. В этом нет ничего удивительного, однако делилось оно не так, как это было у соседей на Западе, и состав этих частей каче- ственно был иным.

Начнём с основания государства, с простого народа. Рус- ские – а это в большинстве своём были крестьяне – рассмат- ривали как народ, как мир только себя и царя. Ну и купцов с попами тоже присоединяли к народу, поскольку несильно они от народа отличались.

Дворяне – да, дворяне – тоже были «свои»... Но не со- всем, они как бы боевые слуги царя, отца-государя, с по-

мощью которых отец защищал своих детушек – народ. Поскольку дворяне шли на смерть за эту семью-отечество, у них по отношению к семье были особые, довольно большие права, но всё-таки они не являлись полноценными членами семьи, к ним понятие «народ» не подходило. И немудрено, если вспомним, что царю и дворянам предшествовали князь и его дружина, которая была сплошь набрана из воинов каких попало государств, в понимании русских – каких попало семей.

Кстати, за всю историю России дворяне (а за ними и остальная элита) понятием «народ» по отношению к себе и не пользовались, и на царя, как на отца, не смотрели. Это было даже закреплено в традициях с самого начала. Народ ещё в стародавние времена и до бесславной гибели монархии обращался к царю на «ты» (Отец наш) и вначале подписывался «сирота твой», а дворянин обращался на «вы» (Ваше Величество) и «холоп твой».

Как-то просмотрел книгу Альберта Нордена «Некоронованные властители» и сейчас хочу опереться на взятые из неё факты по теме о свободе граждан. Ведь в нашей исторической науке колом сидит вывод о том, что русские были рабами до 1861 года, потому что находились в крепостной зависимости. А вот на Западе!

Никак не собираюсь доказывать, что крепостные русские вообще не были рабами, но если сравнивать их положение и мировоззрение с положением людей на Западе, то этот вывод

требует уточнения, для того чтобы ясно понимать, что же на самом деле происходило и каков был взгляд нашего народа на вопрос своей свободы в начале становления.

Напомню, что до 1590 года на Руси крепостного права вообще не было. Ещё дореволюционный «Курс русской истории» В.О. Ключевского сообщал о русских: «Крестьянин был вольный хлебопашец, сидевший на чужой земле по договору с землевладельцем; его свобода выражалась в крестьянском выходе или отказе, т. е. в праве покинуть один участок и перейти на другой, от одного землевладельца к другому. ... Судебник Ивана III установил для этого один обязательный срок – неделю до Юрьева дня осеннего (26 ноября) и неделю, следующую за этим днём. Впрочем, в Псковской земле в XVI в. существовал другой законный срок для крестьянского выхода, именно Филиппово заговенье (14 ноября). Значит, крестьянин мог покинуть участок, когда кончались все полевые работы и обе стороны могли свести взаимные счёты». И только после кончины Ивана Грозного, в 1590 году, Борисом Годуновым был издан указ о запрете перехода крестьян от одного хозяина к другому.

Но и после этого крестьянин не стал собственностью помещика.

В отличие от Запада русские дворяне по отношению к крестьянам имели прав не более, чем ротный командир на своего солдата. Российский дворянин мог только восстановить дисциплину, выпоров крестьянина за проступки, и в

крайнем случае вернуть его царю – отдать в солдаты. Но ни посадить в тюрьму, ни тем более казнить крестьянина дворянин не мог. Это было делом отца-царя, делом только его суда.

Дворянин мог сделать и то, что выглядело продажей, – он мог отдать крестьянина другому дворянину и получить за это деньги. И это действительно выглядело бы продажей, если не учитывать, что крестьянин для дворянина был единственным источником дохода, при помощи которого дворянин в войсках защищал тех же крестьян. Передавая источник своего дохода другому дворянину (и только ему), дворянин имел право на компенсацию. Разумеется, что при такой продаже законом исключалось разделение семей.

Русский ничьим личным рабом никогда не был, даже рабом царя. Сыном – да, но не рабом!

Да, была крепостная зависимость, но всё было не так просто. Уйти от дворянина, освободиться, выкупиться стремились лишь те, кто благодаря освоенной профессии был твёрдо уверен, что занимает надёжное место в обществе и не подвержен случайностям. Причём даже статус крепостного ничему не мешал, были крепостные и врачами, и юристами, и художниками, и музыкантами. У графа Шувалова был крепостной-миллионщик, имевший десятки своих судов на Балтике. Платил Шувалову оброк такой же, как и все его крепостные (20 рублей в год), и не думал выкупаться «на волю», пока его сын не влюбился в дочь прибалтийского ба-

рона. Согласитесь, что столь безумная идея – выдать дочь за крепостного – не прельщала барона, ведь сам барон мог своего крепостного даже повесить. Шувалов покочевряжился – жаль было терять объект для хвастовства перед другими дворянами, – но судовладельцу вольную дал.

Скажем, украинскому поэту Т.Г. Шевченко был смысл выкупиться у своего помещика Энгельгардта. К моменту выкупа стало ясно, что он хороший художник и проживёт самостоятельно. Но дворовым и крестьянам зачем нужна была вольная? Чтобы попасть под гнёт чиновников, живущих одним днём?

Рассуждая о крепостном праве, привычно вспоминают умалишённую Салтычиху, замучившую в пароксизме своей психической болезни десятки крепостных, но даже я долго не знал подробностей того, как безжалостно расправился над ней (и её пособниками) суд Екатерины II, когда преступление Салтычихи вскрылось. Сначала Салтычиха 11 лет сидела в подземной тюрьме без света и человеческого общения, а затем ещё 24 года (до конца жизни) в камере с окном, через которое её могли наблюдать желающие, – фактически закончила она жизнь экспонатом в зверинце. Пособники Салтычихи отправились на пожизненную каторгу.

За издевательства над крепостными помещиков «забривали» в солдаты, а за их убийство – приковывали к тачке в Сибири. И это для помещиков было ещё и не самым плохим концом.

У русского народа было понятие «пострадать за мир». Речь шла о ситуации, когда невозможно было привести в чувство помещика, а царские чиновники были на его стороне. И тогда крепостные этого помещика бросали жребий, и те крепостные, на кого жребий пал, шли и убивали помещика со всей его семьёй (чтобы дети потом крестьянам не мстили). Дом помещика сжигали, а сами убийцы шли и сдавались властям. Смертной казни не было, этим убийцам помещика назначали пожизненную каторгу, семьи осуждённых царь посылал в Сибирь за казённый счёт в места каторги (браки заключаются на небесах, и не царю их расторгать), чтобы семьи жили недалеко от каторжанина. И вот эти осуждённые убийцы и были «пострадавшими за мир». Соответственно, мир (община) собирал деньги и посылал их в Сибирь «пострадавшим за мир» до их смерти.

Теперь вернусь к книге Нордена «Некоронованные властители». Эта книга о династии немцев Фуггеров, историю которой в Германии можно было проследить на протяжении 500 лет. Началась династия с предприимчивого торговца тканями, затем Фуггеры стали мощнейшим кланом мировых банкиров и промышленников, владевших медными и серебряными производствами Европы. Фуггеры своими деньгами не только с выгодой финансировали тогдашние европейские войны, но и определили избрание Габсбургов в императоры. Разумеется, этих финансовых властителей награждали титулами, а сами Фуггеры приобретали в Герма-

нии многочисленные имения.

И вот меня заинтересовало описание того, какие отношения дворян и народа властвовали тогда в Европе. Вот несколько цитат:

«Так, они стали владельцами деревни Габлинген, замка Микхаузен – Швабмюнхен, замка и имения Оберндорф близ Райна на реке Лех. В 1533 году Раймупд Фуггер принимает присягу на верность от ставших его подданными жителей Оберндорфа; в соответствии с жалованной ему в Вене грамотой короля Фердинанда I он может теперь их судить, наказывать палками, лишать жизни, отправлять на виселицу».

«Как феодалы, Фуггеры применяли все формы эксплуатации – денежную и натуральную повинность и барщину; они использовали все полученные привилегии: сеньориальную судебную власть, право карать смертью, право ограничения личной свободы. В приходной книге Фуггеров за 1546 год записано, что общая сумма доходов от имений составила в этом году 27 395 гульденов».

Прервусь, чтобы подчеркнуть, во-первых, то, о чём русский дворянин и мечтать не мог, – немецкий феодал мог казнить своего крепостного! Мало того! Обратите внимание на дату. Это 1533, 1546 годы! А в России крепостного права ещё и в помине не было! Оно, напомню, было установлено только после смерти Ивана Грозного в 1590 году. (Кстати, это только в болтовне интеллигенции Иван Грозный садист, а в памяти народной он остался очень добрым царём.)

Ещё русский крепостной обязан был отработать определённое количество дней на барина или платить ему оговорённую сумму – оброк, причём и то, и другое указывалось царём. А у немцев было не так. Эти Фуггеры были специалистами!

«Во-первых, они получали земельную подать с зажиточных и мелких крестьян, размер которой оставался неизменным как в урожайные, так и неурожайные годы. Главным источником доходов была «хлебная подать», 90–95 % всех податей крестьяне были обязаны выплатить зерном. По признанию самих Фуггеров, они достигли предела при взыскании подати рожью, овсом и ячменём...

Во-вторых, существовали различные формы принудительной барщины, размер которой определяли по дням; нередко крестьяне с лошадьми и повозками были вынуждены отрабатывать барщину в течение всего года. Взыскивалась также кухонная повинность – цыплята осенью, куры на масленицу, растительное масло, лён, дрова.

С подёнщиков управляющие Фуггеры взымали квартирную плату, деньги за постой. Если подёнщик возделывал клочок земли или пользовался выпасом, то он, как и хлебопашец, должен был платить хлебную и луговую подать. Он привлекался также к работам на кухне и барщине.

Не щадили Фуггеры и ремесленников. С мельников они брали денежную, хлебную и кухонную подать. Особый налог взымался с владельцев гостиниц и бань, рыбаки платили

рыбную подать. Если ремесленник расширял свой дом или хлев, возрастали и поборы.

И в-третьих, источником доходов были также судебные штрафы и штрафные деньги, взыскивавшиеся с подданных за неповиновение. Крестьянин должен был платить за всё, за любое событие в его семье: умирал член его семьи – надо было раскошелиться, хотя денег и без того не хватало; праздновалась свадьба – и касса Фуггеров пополнялась звонкой монетой; за проезд по дорогам следовало платить дорожный сбор. Налогом облагались даже печи. Бдительные сборщики налогов не упускали и такую возможность, чтобы выжимать из бедняков последние соки».

Норден обращает внимание, что это имение Фуггеров было в Саксонии, и курфюрст (король) Саксонии в 1540/41 отчётном году всех доходов имел 42 893 гульдена. А Фуггеры в 1546 году с саксонских имений получили доход 27 395 гульденов. Умели содрать европейские дворяне три шкуры со свободолюбивых европейцев!

И ещё цитата об отношениях немецких дворян с немецкими крепостными (опять обратите внимание на год).

«Они жестоко подавляли любую попытку неповиновения. Так, например, 22-летний юнец граф Йозеф Гуго Фуггер (ставший впоследствии полковником королевского ландвера Баварии и наследственным членом имперского совета) потребовал в 1785 году от своих подданных присягу на верность, в которой они ему за несколько месяцев до этого от-

казали. Чтобы добиться своего, семейный клан предусмотрительно вызвал в Кирхгейм вооружённый отряд. Построенные перед графскими подданными солдаты ждали приказа господ. И когда вновь ни одна рука не поднялась к присяге, молодой Фуггер подал команду стрелять в толпу. В результате этого преднамеренного приказа восемь крестьян – молодых и старых – было убито, десять крестьян получили тяжёлые и многие – лёгкие ранения.

Граф Фуггер обезопасил себя и на случай новых беспорядков в будущем: в 1796 году, уплатив 98 флоринов канцелярской пошлины, он возобновил императорскую ленную грамоту на право судить и карать смертью своих подданных. В глазах этих мелких тиранов народ не имел никаких прав. Князья и графы считали себя существами высшего порядка, имевшими исключительное право на любой произвол и убийство...»

Заметим, что в этот год только умерла Екатерина II, которая лично написала приговор Салтычихе, в это время в России уже не было смертной казни, а о том, чтобы дать дворянам право карать крепостных смертью, и мысли не было!

Никак не собираюсь идеализировать положение русских по отношению к европейцам – сам ненавижу некоторые русские черты характера. Однако надо всё же подчеркнуть, что европейцы только из страха готовы были пойти на такие ограничения свободы и своих прав, на которые наши предки не соглашались.

Не буду разбирать, что лучше – когда ты под властью помещика, который бережёт тебя и твоих детей, чтобы ты и твои дети кормили его детей и внуков, или когда ты под властью царского чиновника, который норовит содрать с тебя три шкуры, пока он в должности. При такой постановке вопроса ответ уже неоднозначный.

Кстати, когда «кабинетные гуманисты» начинают стонать о рабстве, скажем, в тех же США, то надо самим попробовать представить жизнь тех рабов. И оценить, что лучше: когда ты на правах обезьяны днями голодный бегаешь по саванне в поисках хоть какой-то еды или живёшь в США в приличной хижине «дяди Тома», имеешь калорийную еду, тебя учат грамоте, чтобы сделать из тебя христианина, вокруг тебя самая передовая на тот момент культура. Что, в Африке этим неграм было лучше?

Но, повторю, все эти технические детали крепостной зависимости и рабства оставим в стороне.

Ведь когда речь идёт о некоем рабстве в Европе, то плакальщики от истории имеют в виду не рабов королей или царей, а рабов именно дворян. А вот тут положение в России и остальной Европе было таким, как сказано выше.

Сейчас, конечно, народ иной, но в стародавние времена наши русские предки были явно более свободолюбивы, нежели сегодня.

Элита России

В сравнении с Западом всегда по-другому выглядела и элита России. Дворянин в России служил России, защищал её. Для этого он должен был быть сыт и вооружён. Его крепостные (а на содержание одного воина требовался труд 10–30 крестьянских семей) давали ему эту возможность.

До царя Петра III дворянин имел землю и крепостных только до тех пор, пока служил он и служили его дети. Прекращалась служба – отбирались земля и крепостные (имение). Заметим, служба русского дворянина князю, как и служба человека своей семье, не имела сроков. Уйдя на службу в 15 лет, дворянин мог до глубокой старости просидеть в крепости на границе за тысячи километров от своего имения и так никогда и не увидеть своих крепостных. Тяжёлые условия, в которые попала Россия, требовали такой же тяжёлой службы ей. В царствование Петра I, на начало XVIII в., армия России составляла примерно 200 тыс. человек при 3–5 тыс. офицеров. Четверть этой армии, т. е. более 50 тыс. человек, были дворянами, остальные – рекруты из крестьян и других сословий. Пётр всех дворян заставлял служить, раз уж народ их кормит! Ещё во времена Суворова служба потомственного дворянина до самой старости рядовым или сержантом была обычным делом, а если дворянин был неграмотным, то и обязательным. Тяжёлые усло-

вия, в которые попала Россия, требовали такой же тяжёлой службы ей, посему изначальным предназначением поголовно всех дворян в России было не сельское хозяйство. Их стезёй была военная служба, извечная и непрерывная.

Примером может быть прославленный русский полководец А.В. Суворов. В 1748 году в возрасте 18 лет явился к месту службы, в 1799 году Суворов ещё воюет в Италии с Наполеоном, а в 1800 умирает. За эти годы Суворов жил в своём имении один год – с 1784 по 1785 годы.

Согласимся, что из всех сословий положение дворян в России до второй половины XVIII века было, пожалуй, худшим.

Как ни тяжело было крестьянину, но он дома, у него есть жена, дети, праздники, нет постоянной опасности для жизни, у него есть пусть и призрачная, но надежда разбогатеть и жить лучше.

У дворянина была только служба. «Служба дни и ночи».

Но обратите внимание на то, что в первом периоде строительства Российского государства дворянин обязывался служить России. Обязывался! И обязывался царём! Обязывался тем, что в противном случае у дворянина забирались средства к существованию – он обрекался царём на голод. Таким образом, заставлял дворянина быть храбрым и трудолюбивым царь. Такое насилие над собой заставляло одну часть элиты добросовестно служить, а другая часть стремилась обмануть царя и службы избежать. Из поколения в поколение

внутри глупой, ленивой и трусливой части российской элиты зрела главенствующая мысль, что умный тот, кто служит мало, а имеет много.

Сам бюрократ и чиновник, но из тех, кому отвратна была элита России, русский писатель М.Е. Салтыков-Щедрин, наблюдая устремления дворянской элиты России уже в XIX веке, констатировал: «Когда и какой бюрократ не был убеждён, что Россия есть пирог, к которому можно свободно подходить и закусывать? ...Если я усну и проснусь через сто лет и меня спросят, что сейчас происходит в России, я отвечу: пьют и воруют!»

И это не в XIX веке взялось, ведь всем известно, как отчаянно пытался искоренить взяточничество тот же Пётр I, но ведь дело было не только во взяточничестве. В начале его царствования видный российский экономист петровских времён Иван Посошков более 300 лет назад – в 1701 году – сообщал царю положение дел со службой дворянства.

«Истинно, государь, я видал, что иной дворянин и зарядить пищали не умеет, а не то что ему стрелить по цели хорошенько. И такие, государь, многочисленные полки к чему применить? Истинно, государь, ещё и страшно мне реши, а инако нельзя применить, что не к скоту; и егда, бывало, убьют татаринцов дву или трёх, то все смотрят на них, дивуютца и ставят себе то в удачу; а своих хотя человек сотню положили, то ни во что не вменяют.

Истинно, государь, слыхал я от достоверных и не от го-

лых дворян, что попечения о том не имеют, чтоб неприятеля убить; о том лишь печётся, как бы домой быть; а о том ещё молятся и богу, чтоб и рану нажать лёгкую, чтоб не гораздо от неё поболеть, а от великого государя пожаловану б за неё быть; и на службе того и смотрят, чтоб где во время бою за кустом притулиться; а иные такие прокураты живут, что и целыми ротами притулятся в лес или в долу, да того и смотрят, как пойдут ратные люди с бою, и они такожде будто с бою в табор приедут.

А то я у многих дворян слышал: “Дай де бог великому государю служить, и сабли из ножен не вынимать”. И по таким же словам и по всем их поступкам не воины они! Лучши им дома сидеть, а то нечего и славы чинить, что на службу ходить».

И Пётр I хотел, чтобы и в России дворяне служили как на Западе – что в этом удивительного?

Не в состоянии этого добиться, Пётр, а за ним и остальные императоры России приглашали и приглашали к себе на службу иностранцев, причём в их числе преобладали специалисты из немецких княжеств. Иностранные инженеры, приезжавшие и переселявшиеся в Россию, развивали неизвестные доселе производства стали и металлов, производства стекла и керамики, бумаги и тканей. Они толчком выводили Россию на приличный мировой технологический уровень почти во всех сферах промышленной деятельности. Иностранные купцы и ремесленники не только заводили произ-

водство невиданных на Руси товаров, но и резко поднимали качество и разнообразие даже традиционной продукции. В тогдашней России иностранец — это пивовары и колбасники, часовщики и инструментальщики, сапожники и булочники. Петербург строили более трёхсот немецких архитекторов и инженеров. Мебельщики Гамбсы на протяжении целого столетия задавали тон в мебельном деле, немец Вестхоф ещё в 1721 году основал первый в Петербурге сахарный завод, немецкий ремесленник Шредер основал фортепьянную фабрику, и рояли фирмы «Шредер» своим качеством звучали во всём мире. Первая частная типография была построена и пущена в дело в Петербурге при Екатерине Гартунгом, одно из крупнейших и широко известных в России издательств создал немец Маркс. Наконец, с иностранных учёных началась Российская академия наук. Это и физики Ленц, Якоби, Бюльфингер и Крафт, математики Эйлер и Герман, астроном Струве.

Наличие в русской армии немецкого начала в организации и тактике боя резко и положительно сказалось на количестве побед русского оружия, причём и побед над тогдашними армиями немецких государств. А количество иностранных офицеров в русской армии порою удивляет. Ведь если посмотреть на галерею героев Отечественной войны 1812 года, то более четверти их носят иностранные фамилии. И этих выходцев из Западной Европы трудно упрекнуть в трусости или в неумении воевать.

Эта проблема возникала перед всеми вождями России, пытающимися привести народ к победе. В 1922 году глава уже Советской России В.И. Ленин в одном из своих последних выступлений говорил: «Был такой тип русской жизни – Обломов. Он всё лежал на кровати и составлял планы. С тех пор прошло много времени. Россия проделала три революции, а всё же Обломовы остались, так как Обломов был не только помещик, а и крестьянин, и не только крестьянин, а и интеллигент, и не только интеллигент, а и рабочий и коммунист. Старый Обломов остался, и надо его долго мыть, чистить, трепать и драть, чтобы какой-нибудь толк вышел».

А соратник Ленина В.М. Молотов вспоминал: «Ленин говорил: “Русские ленивы. Поболтать, покалякать – это мы мастера! А вот организовать...”». «По-моему, – писал Ленин в 1922 году, – надо не только проповедовать: “учись у немцев, паршивая российская коммунистическая обломовщина!”, но и брать в учителя немцев. Иначе – одни слова».

Но вернёмся к истокам. Почему так? Почему в России царь заставлял служить своих дворян, а дворяне Европы хотели служить русскому царю добровольно и в массе своей служили честно и бесстрашно?

В сравнении с Западом

А в России и на Западе элита была устроена по-разному!

В Западной Европе со времён Карла Великого до XIX века недвижимое имущество (дома и земли) наследовали только первенцы. Другие дети получали наследство лишь деньгами и движимым имуществом. Вспомните сказку француза Ш. Перро «Кот в сапогах». Старший сын получил мельницу (недвижимое имущество), средний – осла, а младший – ко-та (движимое имущество). С одной стороны, это исключало дробление родовых земель, а с другой – постоянно появлялись безземельные дворяне и крестьяне без средств к существованию. И это заставляло их служить, и не просто служить, а становиться профессионалами высочайшего класса.

А в России все сыновья всех сословий получали равную долю наследства, а всем дочерям родители давали приданое: на Руси существовал родовой принцип наследования – лествичное право.

Казалось бы, при чём тут право наследования, если речь о том, что дворянина заставляют служить? Если и в России, и в Западной Европе заставляют служить, то какая разница?! Мало того. В России царь заставлял служить угрозой голода, а в Западной Европе дворянина заставлял служить сам голод. Внешне – одно и то же!

Но дело в том, что царь, даже такой фанатичный, как Пётр

И, не способен уследить за всеми – за тем, чтобы они служили добросовестно и храбро. А голод (вернее, спрос на рынке на честных чиновников и храбрых офицеров) – был способен! Спрос на рынке труда на честных чиновников и храбрых офицеров при избытке предложения контролировал элиту лучше всякого царя.

К чести Петра, он попытался ввести и в России аналог майоратного права, в 1714 году он издал «Указ о единонаследии», по которому отец обязан был завещать недвижимое имущество одному сыну (при отсутствии завещания наследовал старший сын), а движимое имущество отец мог распределить между детьми по своему усмотрению. Однако наследники Петра не смогли устоять перед давлением дворянства, и через 16 лет императрица Анна Иоанновна этот указ отменила; правда, в 1736 году она распорядилась (со многими оговорками), что из нескольких братьев-дворян в семье одного можно оставить для ведения хозяйства; остальным определить службу в 25 лет, считая с 20, то есть до 45 лет. В этом возрасте дворян можно увольнять, если они действительно служили в армии, а не бог знает где ошивались. Впрочем, гласил указ императрицы: «А понеже ныне с турками война, то оставлять по вышеписанному только по окончании войн». Дворяне вздохнули свободнее, и на этом послаблении царям можно было бы и остановиться, продолжая властвовать над дворянами твёрдой рукой. Ведь пока дворянство обязывалось служить государству, властвующие в элите па-

развитические деяния не были главенствующими.

Однако на престоле России вскоре оказался идиот.

Либерал на троне

Будущий император Пётр III был сыном немецкого герцога и дочери Петра I – Анны Петровны, то есть внуком Петра Великого. Кстати, по отцовской линии он являлся внуком и самого сильного и страшного противника Петра I – шведского короля Карла XII. Славная кровь текла в его жилах, да вот толку от этого не было никакого.

В 1742 году российская императрица Елизавета Петровна (его родная тётка) объявила его, 14-летнего юношу, наследником российского престола. Последующие 18 лет жизни в России русского из него сделать не смогли; он как был, так и остался немецким герцогом. Став в 1761 году императором, Пётр III стал умничать на «западный манер» как только мог и за год успел многое, но нас в данном случае должен интересовать только его указ о вольности дворянства.

Сначала Пётр III освободил монастырских крестьян от крепостной зависимости церкви. Фактически он передал крестьян в крепость бюрократии, так как в условиях того времени освобождённые крестьяне (их стали называть «экономическими») отработывали ту же барщину, но только на землях, принадлежавших уже не церкви, а государству и под присмотром не монастырской братии, но алчных, живущих одним днём чиновников. Тем не менее в умах остальных крепостных крестьян имя Петра III оказалось причастным к

понятию «освобождение».

Наверное, и это Россия пережила бы без больших потрясений. Но Пётр III на западный манер освободил от службы дворян.

Да, на Западе дворяне не обязаны были служить, и служить их заставлял голод – это так. Но зачем теперь служить освобождённому от службы русскому дворянину, если у него есть возможность паразитировать на крепостных крестьянах? Причём ввиду отсутствия майоратного права у всего русского дворянства всегда будет хоть немного земли и крепостных, на шее которых можно было сидеть.

Пётр III сделал безделье символом российского дворянства.

К теме формирования интеллигенции это не имеет отношения, но ввиду глобальности последовавших событий об этом необходимо сказать. Ни Пётр III, ни сегодняшние умники не поняли, что если дворянин больше не обязан защищать государство, то есть крестьян, то почему тогда крестьяне обязаны его содержать за счёт своего труда? По западным понятиям, в этом не было ничего необычного, но по русским представлениям он посадил на шею крестьян паразитов! А всё ещё свободолюбивые русские, в отличие от людей Запада, паразитов на своей шее не терпели, и привить им подобную терпимость было не просто.

С русской точки зрения следующим шагом царя-отца должно было стать освобождение крестьян от крепости у по-

мещиков. Но... царь внезапно и очень подозрительно умер. И народ стал ждать освобождения от Екатерины II.

Ждал напрасно. Екатерину вознесли на престол вооружённые руки всё тех же дворян. Им (даже преданным России) дарованная вольность была выгодна. Императрица не могла отменить указ о вольности дворянства из-за опасения за собственную судьбу и не могла освободить крестьян и оставить без материальной поддержки военную силу Российской империи – дворян. Она оказалась в безвыходной ситуации, а может, и не спешила искать выход.

И вспыхнула гражданская война, силы народа возглавил казак Емельян Пугачёв, причём он возглавил народные силы под именем царя Петра III, якобы чудом спасшегося от смерти и скрывавшегося среди народа.

Странного в этом ничего не было. Петру III вообще везло на «посмертные деяния». Подсчитано, что в различных крестьянских бунтах он «восставал из мёртвых» до 40 раз. Но здесь обстоятельства были особые.

События развивались на окраине России, где царская власть и так была слаба, а вдобавок взбунтовались военные люди. Однако кто поверит неграмотному казаку, что он царь? Тот, кто знает, как настоящий русский царь должен поступить. Ведь Пётр III освободил монастырских крестьян, освободил дворян, но «не успел» освободить остальных крепостных крестьян от помещиков, следовательно, настоящий русский царь, вновь придя к власти, обязан это сделать.

И Емельян Пугачёв это сделал – он освободил от помещиков крестьян, и теперь уже мало кто из них сомневался, что Пугачёв настоящий царь и есть и что дворяне к выгоде своей хотели его убить. Ненависть крестьян вылилась на дворян, нового царя признали на огромных территориях, за год войны под знамёна Пугачёва встало свыше 100 тысяч бойцов. Для сравнения: фельдмаршал Пётр Румянцев в это время воевал (уже за Дунаем) с турками и татарами и никогда не имел под своей командой более 40 тысяч человек.

Тогда Екатерина II срочно заключила преждевременный мир с Турцией, прервав дотоле успешную войну с ней, и двинула с турецких границ против Пугачёва армии во главе с такими прославленными полководцами, как Суворов и Румянцев.

В сентябре 1774 года Пугачёва предали казаки, и к весне 1775-го обезглавленная народная армия перестала оказывать сопротивление. Эта гражданская война закончилась победой паразитических идей российской элиты.

Паразитизм как принцип жизни

Врождённые качества и воспитание делают людей разными.

Одних природа и воспитание сделали умными и трудолюбивыми, другим воспитание не развило ни ум, ни трудолюбие.

Первые стремятся реализовать свой ум и умения в материальном – они создают и производят полезные людям идеи, сооружения и вещи. В этом их смысл жизни, в этом их радость жизни. Их не надо заставлять пахать и сеять или служить – они будут это делать сами, для того чтобы получить радость от высокого урожая или личной победы в бою над противником.

Вторые, не имея для этого ни ума, ни трудолюбия, не способны найти радость в результатах своего труда и находят радость только в безделье и развлечениях. Будь такие существа в природе – они бы вымерли в пределах одного поколения, будь они в Западной Европе – они бы прозябали в нищете, прося подаяния. А в России они безбедно существовали, да ещё и числясь в составе элиты.

Читающие эту книгу наверняка читали и роман «Война и мир» Льва Толстого. Вспомните, в этом романе есть хоть один герой, который бы пытался хоть что-то созидать? Что-либо построить, произвести или хотя бы сделать из вверен-

ных ему солдат самых лучших солдат в мире? Нет! Андрей Болконский даже в бою ничего не делает. Кстати, как и Ку-тузов. И ведь это всё положительные герои!

И ведь Толстой всего лишь описал свою среду, поскольку иной просто не знал. А эта среда, не способная созидать, творцов если и не откровенно презирала, то уж, во всяком случае, творцами становиться и не собиралась!

В Европе шли научные и промышленные революции, а русские цари не могли заставить бездельных дворян хотя бы высшее образование получить! Все русские люди, мало-мальски выдающиеся умом или энергией в XIX веке, были либо из обедневшего дворянства (А. Аракчеев или И. Мичурин), либо из семей священников (М. Сперанский или Д. Менделеев), либо из купцов, как А. Столетов.

Кстати, о самих попах. Православие с его девизом «неграмотность – основа благочестия» на протяжении многих столетий было причиной трагически капитального отставания русского интеллекта даже от китайского, не говоря уже о европейском. К примеру, в научном и техническом плане мир практически ничего от России не получил. Не дала Россия миру ни пороха, ни бумаги, а достижения её учёных столь незначительны и столь подражательны, что, собственно, и говорить не о ком.

Я бы привёл только двух учёных мирового класса. Менделеева с его гениальным озарением, что изменение свойств веществ жёстко связано с их атомной массой, и Лысенко с

его законом стадийного развития организмов. Периодический закон Менделеева мир принял безусловно, да и не мог не принять, правда без самого Менделеева, поскольку тот начинал свою периодическую таблицу с эфира, который «великим Эйнштейном» был отвергнут. И куда уж тут Менделееву с Эйнштейном тягаться!

Что же касается Лысенко, то и его закон стадийного развития организмов миром (селекционерами) используется повсеместно, и, надо сказать, за границей Лысенко уважают гораздо больше, чем в России, к примеру, признают его правоту в дискуссии с «генетиками» морганистско-менделистского толка и включают Трофима Денисовича в сотню наиболее выдающихся учёных истории. Кстати, единственного учёного из России.

По остальным, даже распиаренным достижениям отечественной науки сказать очень трудно что-то определённое, поскольку ещё с довоенного времени плагиат в советской науке стал нормой и поставлен на поток. Мы что-то считаем достижениями отечественной науки, но вот считает ли так мир?

Да, разумеется, климат России и её пространства долгое время чрезвычайно затрудняли получение того добавочного продукта, на который существуют учёные. Но ведь у России были сотни тысяч помещиков, ведущих праздную жизнь. Им что мешало заняться исследованием природы? У России всегда были десятки тысяч монахов и попов. А долгогривым что

мешало заниматься исследованием природы?

Вот читаю:

«Джозеф Пристли (1733–1804) – известный английский учёный-химик. Он открыл кислород, получил хлористый водород, аммиак, фтористый кремний, сернистый газ, оксид углерода. Привезённый французом Шарлем Кондамином из Южной Америки каучук Пристли в 1770 году предложил использовать для стирания написанного, назвав его гуммиэластиком. Как химика Пристли заинтересовал вопрос: почему воздух полей и лесов чище городского? Учёный предположил, что растения очищают его от веществ, выделяемых людьми при дыхании, а также дымящимися трубами заводов и фабрик. С целью проверки своего предположения он посадил под стеклянный колпак мышь. Довольно быстро животное погибло. Тогда экспериментатор поместил под такой же колпак другую мышь, но уже вместе с веткой мяты. Это было сделано в начале августа 1771 года. Через восемь-девять дней я нашёл, что мышь прекрасно могла жить в той части воздуха, в которой росла ветка мяты. Побег мяты вырос почти на три дюйма.

Опыт заинтересовал учёных, многие повторили его в своих лабораториях, однако результаты получались неодинаковые: в одних случаях растения действительно очищали воздух и делали его пригодным для дыхания мыши, в других этого не наблюдалось. Надо сказать, что сам Пристли при повторении опытов получил противоречивые результа-

ты. Установить истину учёный уже не смог, так как консервативно настроенные англичане разгромили его прекрасно оборудованную лабораторию и богатую библиотеку за сочувствие их владельца идеям французской революции. Пристли оставил научную работу и эмигрировал в США».

Не знаю почему, но в этой справке не сказано, что Пристли был английским попом и вытолкала этого выдающегося естествоиспытателя в Америку англиканская церковь за ересь в проповедях. Не помогло этому попу и открытие кислорода. Кто бы мне указал на таких попов или монахов в православии?

Ещё штрих отечественной интеллигенции, под которой нужно считать лиц, не зарабатывающих «свой хлеб в поте лица своего». Интеллигенция России под знаниями считает только то, что найдено другими, – то, что узнают в книгах или лекциях (проповедях). Для отечественной интеллигенции знания – это то, что нужно запомнить, для того чтобы об этом можно было болтать, заполняя болтовнёй досуг или демонстрируя ум. Отсюда дикий отказ российской интеллигенции от собственных исследований вопросов природы и проблем нашей жизни. Российская интеллигенция знает единственный способ поумнеть – прочесть или услышать что-то у великих, общепризнанных авторитетов.

Чтобы вы поняли, приведу в пример голландского врача ван Гельмонта, жившего в 1579–1644 годах. Это были годы, когда в России Иван Грозный пытался заставить дворян

Родине служить, и годы великой смуты, устроенной этими дворянами. Так вот, этот голландский лекарь решил узнать, благодаря чему растёт растение. С животными и человеком вроде бы всё было ясно: поедая корм или пищу, они получают вещества, благодаря которым увеличиваются в размерах. Но за счёт чего крошечное семя, лишённое рта, превращается в огромное дерево?

Чтобы ответить на этот вопрос, ван Гельмонт проделал следующее. Взял большой глиняный горшок, насыпал в него 91 килограмм высушенной в печи почвы, смочил её дождевой водой и посадил ивовый побег массой 2,25 килограмма. Каждый день в течение пяти лет он поливал растение чистой дождевой водой. По прошествии этого времени ван Гельмонт извлёк деревце, тщательно очистил корни от прилипших частиц почвы и взвесил содержимое кадки и растение. Оказалось, что масса почвы уменьшилась всего на 57 граммов, а вот масса ивы возросла почти на 75 килограммов. Результат эксперимента исследователь объяснил исключительно поглощением воды. Да, это была ошибка ван Гельмонта, тем не менее насколько изящный опыт! Что, у русских помещиков не было возможностей этот опыт провести? Местный гончар им горшок на 100 кг грунта не обжёт бы?

Эти исследования того, чем кормятся растения, развили впоследствии выдающийся химик мира, вызывающий у меня искреннее восхищение, Гемфри Дэви. Но сначала я ещё раз пну тупую русскую интеллигенцию. Вот, к примеру, Дэ-

ви провёл серию ставших позже классическими экспериментов с таянием льда. Он брал два кусочка льда и тёр один о другой, от трения лёд таял. Этот опыт Дэви производил и при температуре ниже точки замерзания воды, и в пространстве, откуда был выкачан воздух. И Дэви сделал вывод, который в годы царствования флогистона был прямо противоположен утверждениям тогдашних авторитетов физики, поскольку они были уверены, что тепло – это особое вещество – флогистон, а Дэви вот так просто взял и доказал, что тепло – это вид движения. И сегодня мы считаем именно так. Так что, в России льда не хватало? Или российская интеллигенция была так занята чем-то полезным, что у неё не было времени потереть два кусочка льда и задуматься над тем, что происходит?

Надо сказать, что Дэви меня восхищает: на мой взгляд, Дэви сделал глобальных открытий больше, чем вся отечественная химия за всю свою историю, поэтому немного прервусь на то, что мне в нём интересно.

Во-первых, он осмысленно отказался от получения университетского образования, которое без проблем мог получить. А некоторые читатели должны помнить, что и я предлагаю в свободной России упразднить получение образования в учебных заведениях и любое образование из тех, которые у нас считаются высшим, сделать доступным каждому, кто хочет получить знания. Кто хочет получить ЗНАНИЯ, а не бумажку с печатью! Сегодня знания легко получить с по-

мощью компьютера и интернета плюс практика.

Но во времена Гемфри (1778–1829) компьютера не было и решиться на самообразование было очень непросто. Покровительствовавший юному Дэви старый врач Тонкин устроил его для начала в аптеку, и Дэви, тогда ученик аптекаря, сам составил план того, что ему надо изучить. После чего начал искать нужные книги и сам, без профессоров, их изучать. Его биограф перечисляет, что Дэви взялся изучить:

«Теология, или религия, изучаемая через природу. Этика или нравственные добродетели, изучаемые через откровение.

География.

Моя профессия: ботаника, фармакология, учение о болезнях, анатомия, хирургия, химия.

Логика.

Языки: английский, французский, латинский, греческий, итальянский, испанский, еврейский.

Физика: учение о свойствах тел природы, явлениях природы, учение о жидкостях, свойства организованной материи.

Астрономия.

Механика.

Риторика и ораторское искусство.

История и хронология.

Математика».

А вот из его тетради записи тех тем, которые он собрался

изучить дополнительно:

«Исследование правды и политические убеждения.

Тело.

Организованная материя.

О правительстве.

О доверчивости и легковерии.

Доказательства того, что способность мыслить зависит от строения тела.

О счастье.

О нравственном долге.

Защита материализма».

Соответственно, Дэви читает сочинения Локка, Беркли, Гельвеция, Канта. И всё это, повторю, без профессоров и экзаменов. И меня восхищает огромный скептицизм этого 19-летнего юноши к тому, что он прочёл. К примеру, уже в те годы французский химик Лавуазье был непререкаемым авторитетом, а Дэви вспоминает:

«“Элементы химии” Лавуазье показались мне занятой книгой. Но только читать книгу – дело бессмысленное. Химия – наука опытная, это не история и не филология, где истина познаётся в процессе чтения. В химии надо по возможности экспериментом проверять идеи автора. Ни одного утверждения Лавуазье я не хотел и не мог принимать на веру. Поэтому и решил подвергнуть проверке с пристрастием “Элементы химии”... Вот и получилось, что спальня мистера Тонкина превратилась в мою походную лабораторию».

Вот это то, чего и близко нет в российских образованцах, свято верующих в то, что они прочли у общепризнанных авторитетов, – нет желания самому провести опыты и самому их рассмотреть. Интересно, что Дэви стал чуть ли не святым у шахтёров всего мира за изобретение, которое мог сделать только практик, – за изобретение шахтёрской лампы, пламя которой не проникало в насыщенную взрывоопасным метаном атмосферу шахты. Но ведь и по сей день теоретически непонятно, почему медная сетка не пропускает пламя, а додуматься ограничить пламя лампы медной сеткой мог только тот, кто увидел это на практике. Увидел и оценил.

Так вот, Дэви, помимо огромного числа открытий в неорганической химии (только открыл: хлор, калий, кальций, натрий, барий, литий, стронций и магний), провёл и массу интереснейших опытов по вопросу питания растений. В своей книге «Основания земледельческой химии» (стараниями императора Николая I переведённой на русский язык уже в 1832 году) Дэви писал: «...что во время произрастания при солнечном свете углетвор (углерод) из углекислоты воздуха присоединяется к растениям, а кислотвор (кислород) общается к атмосфере». Иными словами, Дэви открыл, что в процессе фотосинтеза растения извлекают из атмосферы углерод и выделяют в неё кислород. Дэви уже тогда уточнял: «Поглощение углекислого газа и освобождение кислотвора (кислорода) совершается листьями, которые не перестают производить сии отправления и по снятии с дерева,

если будут заключены в воздухе, содержащем угольную кислоту: они поглощают её, а освобождают из себя кислотвор, даже и в воде, содержащей в себе растворённую угольную кислоту в несколько жидком состоянии».

Вот почему в России среди сотен тысяч паразитирующих на крестьянах бездельников не было никого, кто бы повторил подвиг Дэви? Это вопрос?

И я думаю, что не мог бы Дэви (да и масса иных англичан) сделать в те годы столько открытий, если бы само общество Великобритании не стремилось ЛИЧНО узнать о природе как можно больше. Это у нас в те годы русский интеллигент подражал герою Пушкина:

«Надев широкий боливар,
Онегин едет на бульвар
И там гуляет на просторе...»

А в Великобритании (в данном конкретном случае – в Ирландии) высший класс не только гулял. Дэви сообщает матери: «Лаборатория в Дублине, которая была расширена так, чтобы вместить 550 человек, всё же не вместила и половины желающих присутствовать на моих лекциях. 550 билетов, выпущенных Дублинским обществом на цикл лекций стоимостью в две гинеи каждый, были распроданы в течение первой недели. И мне говорили, что сейчас за билет предлагают от 10 до 20 гиней. Это я говорю только Вам, ибо знаю, что Вам будет приятно узнать, что Ваш сын довольно популярен

и не вполне бесполезен».

Давайте подсчитаем. Гинейя – это 21 шиллинг, а шиллинг в те годы содержал 5,23 грамма серебра, следовательно, гинейя содержала его 109 грамм. В тогдашнем рубле содержалось 18 грамм серебра, таким образом, билет на лекции Дэви в русских рублях стоил первоначально 12 рублей, а потом его стоимость подскочила до 60 рублей. Последняя сумма – это в то время жалование поручика русской армии за 2 месяца, а в самой Англии – это зарплата квалифицированного промышленного или сельскохозяйственного рабочего почти за год – за 40 недель.

Лет через 60 после этого Энгельгардт описал сельскохозяйственную выставку в Смоленской губернии, переполненной имениями российских помещиков: «Каждый день приходил я на выставку – всё надеялся встретиться с хозяевами, которые приедут на выставку, но так никого и не видал, потому что другого такого простака, как я, чтобы на губернскую выставку ехать, не выискалось. Придёшь, бродишь по пустым залам: около полудня зайдут несколько посетителей музыку послушать или позавтракать в ресторане; если бы не было ресторана и музыки, то так всё время выставка и простояла бы пустою. Пусто, уныло, видно, что вся эта выставка никому, кроме распорядителей, не нужна».

Почувствуйте разницу между британским представителем высшего класса и российским. Один стремится узнать о природе всё новое за любые деньги, а другому и бесплатно

не интересно даже то, за счёт чего он сам живёт.

Отсюда и «успехи» России в науках и ремёслах.

И учиться не хотели

Дворянство России имело огромные доходы от сельского хозяйства, но за все века своего владения сельскохозяйственными угодьями России не оставило ни малейшего следа в этой области человеческой деятельности. Если исключить выведенную графом Орловым породу рысаков, совершенно не нужных народу, то эта элита России не вывела ни одной породы животных, ни одного сорта растений. Все, порою уникальные, породы животных (серый украинский скот, к примеру, или романовская овца, или лошади породы Битюг), все сорта растений (скажем, русская рожь) были выведены крестьянами без какого-либо творческого участия дворянской элиты.

К концу XIX века в России было всего 9 университетов на 130 миллионов населения (из которого 1,5 миллиона были дворяне), но только Петербургский и Московский были так-сяк наполнены, имея около 4 тысяч студентов на пяти факультетах при четырехлетнем обучении, а, скажем, казанский имел 858 студентов, Харьковский – 1489, Новороссийский – 688.

Цари старались, и в целом число студентов росло, скажем, с 1880 по 1894 год их количество увеличилось с 8193 до 13 944. Но в процентах число студентов-филологов осталось прежним – 20 %, студентов юристов увеличилось с 22

до 37 %, студентов-медиков уменьшилось с 46 до 37 %, а студентов физико-математического факультета упало с 11 до 5 %! То есть число желающих стать юристами возросло с примерно 1800 до 5200 человек, а число студентов, изучающих точные науки, за 14 лет упало с примерно 900 до 700 человек. Думаю, что это от уже внедренного в умы дворянской элиты постулата, что умный человек – это тот, кто умно болтает (особенно если в рифму, но можно и прозой), а точные науки – это удел быдла.

Правда, стараниями царей на 1898 год в России высшее техническое образование давали еще учебные учреждения типа институтов с пятилетним курсом обучения, их тоже было 9, и в них училось 5435 студента. Кроме того, был один сельскохозяйственный, один сельскохозяйственно-лесной и один лесной институты с четырехлетним сроком обучения и с 916 студентами. Итого примерно 20 тысяч студентов на государство, повторю, со 130 миллионами населения и с полутора миллионами дворян. Из которых всего около 7 тысяч инженеров и агрономов против 8 тысяч тех, кто учился на филологов и юристов. И это при том, что церковный клир готовили 58 семинарий с 19 000 семинаристами и 186 духовных училищ с 31 215 учениками. Попов готовили в 7 раз больше, чем инженеров и агрономов! Это что за государство?!

Через 5 лет России придется вступить в войну с Японией, которая имела втрое меньше населения, но у которой уже

было обязательное начальное образование и 3111 профессионально-технических школ с почти 200 тысячами учащихся. Кроме этого, 7 технологических высших школ и 2 университета с примерно 11 тысячами студентов. Что удивительно, Япония имела и 101 женскую высшую школу с 32,5 тысячами курсисток.

Через 15 лет Российская империя вступит в войну с Германией, которая на начало XX века имела на 56 миллионов жителей 22 университета с 36,5 тысячами студентов и 11 высших технологических школ с 17 тысячами студентов. Кроме этого, неизвестное мне количество немецких студентов училось в 3 высших горных, 5 высших лесных, 5 высших ветеринарных, 2 высших сельскохозяйственных школах и в 8 сельскохозяйственных институтах при университетах.

Большинство российских дворян получало «домашнее» образование с помощью нанятых учителей «числом поболее, ценою подешевле».

Такое бедственное положение с тягой к знаниям, нужной в практическом строительстве России, существовало при том, что царями образованность чрезвычайно ценилась – уже студент университета становился дворянином, а окончивший университет получал шпагу и гражданский обер-офицерский чин. Что, правда, могло прельстить только разnochинца или горожанина, а не уже потомственного дворянина.

И с военной службой – смыслом дворянства – творилось

невероятное. К началу XX века дело дошло до того, что даже в офицерском корпусе русской армии потомственных дворян осталось чуть более трети. Поэтому на дворян была распространена воинская повинность (что было позором, если учесть, кто такой дворянин изначально), и тем не менее к началу Первой мировой войны (1914 год) из 48 тыс. офицеров и генералов русской армии потомственные дворяне составили всего около 51 %. Обратите внимание: в 1700 году в армии было 50 тыс. дворян, а в 1914 году не было и 25 тыс.

При этом в России на 1914 год уже было 1,5 %, или почти 2,5 млн дворян, т. е. не менее 250 тыс. призывного контингента мужчин. И эти дворяне не способны были укомплектовать 50 тыс. офицерских должностей! Первая мировая война, в которую вступила Россия в 1914 году, никаких патриотических чувств в массе паразитного дворянства не подняла: не задела она ни чувства совести, ни чувства ответственности. К началу 1917 года в армии было 115 тыс. офицеров – количество, которое без труда и несколько раз могло укомплектовать 2,5-миллионное российское дворянство. Тем не менее к этому году, к примеру, в Иркутском военном училище из 279 юнкеров было всего 17 детей дворянских. Если скажете, что в Сибири дворян было мало, то вот данные по Владимирскому военному училищу: из 314 юнкеров 25 детей дворянских. На фронте производили в прапорщики из солдат: 80 % прапорщиков – крестьяне, 4 % – дворяне. Вот и найдите в этих цифрах тех самых пресловутых поручиков

голицыных и корнетов оболенских, о которых поется в слезливой белогвардейской песне.

А может, русское дворянство служило по гражданским ведомствам? Возьмём, к примеру, календарь-альманах «Царь-колокол» на 1913 год, в нем справочные данные об императорской фамилии Романовых и о Главном управлении России. Всего в справочнике указано (кроме царя) 275 главных лиц этого Управления – министры, начальники департаментов, командующие округами, флотами, губернаторы, градоначальники, послы и т. д. Среди них титулованных дворян всего 34 человека: по одному князю из родов Кочубеев, Львовых, Оболенских, Горчаковых и Мосальских; 8 графов – по одному из родов Голенищевых-Кутузовых, Воронцовых-Дашковых, Мусиных-Пушкиных, двое из рода Татищевых и двое из рода Игнатьевых. Итого – 13 человек. Вы спросите: а кто же остальные титулованные дворяне, недостающие до числа в 34 человека? А остальные – это немецкие, французские и прочие бароны и графы – от барона Таубе до графа Бреведон де ла Гарди. А всего иностранцев 74 человека из 275 человек Главного управления России – 27 %.

Можно возразить, что говорить о немецком засилье можно было бы только в том случае, если бы все остальные должности Главного управления были переполнены князьями Долгорукими, Трубецкими, Щербатовыми, Новосильцевыми и т. д. и т. п. Но ведь этих дворян не было ни в губернаторах, ни в послых. Им на шее крестьян было очень хорошо,

и не желали они России служить. Вот вместо них немцев и нанимали. Дворяне Россию обжирали, а служили ей немцы и те дворяне из русских, кто дворянство недавно выслужил, таких было полно и в Главном управлении – всяких кияшко, галкиных, хвостовых, озеровых и прочих сидоровых.

Вот воспоминания князя С.Е. Трубецкого «Минувшее», написанные им в эмиграции (прошу простить за длинные цитаты):

«Оба мои деда, особенно Щербатов, любили покушать, отец же и мать относились к еде весьма равнодушно (особенно Мама), но, конечно, считали естественным, чтобы еда была очень хорошая. Несмотря на нашу “скромность” в еде, иметь кухарку, а не повара даже на ум не приходило, а повару был нужен еще помощник, а еще на кухне считалась необходимой специальная судомойка. Все это на семью из четырех человек (потом – пять, когда родилась сестра Соня). Еще была многочисленная прислуга, штат которой искренно казался нам очень скромным по сравнению, например, с большим штатом людей у Дедушки Щербатова. Дедушка же рассказывал, что штат прислуги у их родителей (моих предков) был неизмеримо больше, чем у них. Так шло упрощение быта наших семей, из поколения в поколение, еще до всяких революций...»

Даже выкинутый из России в эмиграцию, Трубецкой в своей наглости паразита полагает, что то, что им на четырех человек готовили еду всего лишь повар с помощником и по-

судомойкой, то это такое демократическое «упрощение быта», что Россия князьям Трубецким (мать его из рода князей Щербатовых) должна быть век за это благодарна.

Еще цитата: «Вина Папа пил очень мало, что не мешало все же, при всей скромности нашего погреба, выписывать из Германии бочонками любимый Папа Рейнвейн, а специально для Дедушки держать какую-то замечательную мадеру. При званых обедах подавать за столом русское вино казалось тогда неприличным, для них было совершенно необходимо бордо – красное и белое, – и, надо сказать, что такого Сотерна, или Икема, который я пил у нас и у других в России, во Франции мне пить не приходилось. У нас были отличные наливки, запеканки и фруктовые ликеры домашнего изделия, но на обедах с гостями эти напитки не подавались, не говоря уже о разных квасах – хлебном, сухарном, клюквенном, яблочном – и водичках – черносмородиновой и др. Все это подавалось только за нашим обычным столом. Водки у нас в доме почти не употребляли, а мы с братом до самой Мировой войны ее совсем не пили (не считая иногда зубровки)».

Что же взамен давали России князья Трубецкие? Дед Трубецкого еще помнил, что в молодости он служил адъютантом главнокомандующего под Севастополем. Но отец Трубецкого уже вольный философ. И сам Трубецкой отслушал курс Московского университета на историко-филологическом факультете. Брат его тоже окончил филологический.

Поскольку слово «чиновник» Трубецкой считал уничижительным, то после получения диплома он несколько лет до Первой мировой войны ошивался за границей, посещая памятные и злачные места по всей Европе.

С началом войны Трубецкой «закосил» от армии, сославшись на плохое зрение (на данных в книге фото его нигде нет в очках), устроился в «Союз земств и городов» (видимо, для того, чтобы во время войны носить хоть какую-то форму) и поставлял в армию кожу на подошвы, лопаты и т. п. И вся его родня была такая. Когда уже в 1917 году, после Февральской революции, катастрофически не хватало мужчин ни на фронте, ни на селе, у его тетки, княгини Новосильцевой, мобилизовали официантов. И тетка подала заявление в суд с возмущенными словами: «Дело дошло до того, что нам за столом подавала женская прислуга!» И плевать было этой паразитке и на войну, и на Россию, главное – чтобы за столом ей мужчины прислуживали!

В своем праве паразитировать Трубецкой совершенно откровенен. Он, к примеру, пишет:

«А уж, кажется, в “недемократичности” нашу армию последнего периода упрекнуть было невозможно! Скорее – наоборот. Высший командный состав армии был обычно скромного, а часто – очень скромного происхождения. Чего, кажется, скромнее происхождение, например, генералов Алексеева и Иванова, занимавших в нашей армии высшие посты. И это было не исключение, а скорее правило. На-

пример, можно отметить, что за время Мировой войны ни один главнокомандующий или командующий армией не носил громкой, тем более титулованной русской фамилии! Люди с такими именами сражались на куда менее видных постах. И это нельзя назвать неожиданным для тех, кто следил за эволюцией в отношении к военной службе среди нашей аристократии и высшего дворянства. Среди этого слоя общества, тоже за последний период русской истории, начался какой-то отход от армии, при этом менее понятный, чем в рядах интеллигенции. Вот пример из истории нашей собственной семьи, но типичный для многих. Поколения три тому назад все наши предки были военными, а в следующих поколениях военных, наоборот, было очень мало. При этом “интеллигентского” отталкивания от армии у нас не было. Как сейчас помню ответ моего отца – это было в мои студенческие годы – на уговоры войти в какое-то пацифистское “Общество мира”. “Я признаю в России только одно “Общество мира”, – ответил мой отец, – русскую армию!” Характерно, что у меня как со стороны отца, так и со стороны матери оба прадеда были полные генералы, деды, служившие в гвардии, ушли в отставку еще в обер-офицерских чинах, мой отец только отбыл воинскую повинность и, единственный из четырех сыновей деда, был офицером запаса...» Как вам нравится этот бывший князь, а теперь «интеллигент»? Ведь это позор, что они, Трубецкие, владеют сотнями тысяч десятин русской земли, паразитируют на ней, болтают кра-

сивые слова о русской армии, а защищать эту землю и себя поручают ивановым и алексеевым! Но паразиты такого позора не чувствуют, паразиты пример брали с главного паразита России – с императора Николая II.

В семье Романовых было на 1913 год 32 человека мужского пола, из которых около 20 – цветущего, продуктивного возраста. Честно служил только двоюродный дядя царя – великий князь Николай Николаевич. Он был главнокомандующим войсками гвардии и Петербургского военного округа, честно и не без талантов отвоевал всю войну. Еще один великий князь – Константин Константинович – имел халатную должность генерал-инспектора военно-учебных заведений, при том что этими заведениями руководило Главное управление под начальством генерала от инфантерии А.Ф. Забелина. Наследник Алексей числился атаманом всех казачьих войск. И всё. Остальные Романовы ни в губернаторах, ни в командующих, ни в министрах, ни в послых не замечены. Где-то кем-то числились и были довольны.

Были довольны, потому что доход семьи Романовых складывался из доходов от эксплуатации почти 8 млн десятин русской земли. Что это за количество, поясню таким сравнением. Самыми богатыми землепашцами России были казаки, их числилось в России 2,3 % (около 3,8 млн человек). За всеми казаками России числилось 3,5 млн десятин войсковых земель. А за семьей Романовых – почти 8 млн десятин! Могли Романовы взамен этих взятых у России богатств что-

то и России дать? Да, но тогда они бы не были паразитами. А принцип паразита – брать и ничего взамен не давать! И последние цари возглавляли не деятельную элиту России – не созидателей. Они находились во главе паразитов.

Паразитизм, как жизненный идеал, да ещё и не каких-то бомжей-клошаров, а лиц, числящихся элитой, не мог не служить образцом для подражания и у простого народа. Ведь и среди простого народа полно лиц с воспитанием, при котором созидание является глупостью, а целью жизни – «приятное ничегонеделание» и развлечения.

Во второй половине XIX века был у России выдающийся сельский хозяин, Александр Николаевич Энгельгардт, потомственный помещик, который начинал как артиллерийский офицер, потом стал химиком, причем практиком, затем за научные заслуги стал доктором химии и профессором кафедры химии Санкт-Петербургского земледельческого института. Впутался в студенческие волнения, отсидел два месяца в крепости и в 1872 году был сослан в свое имение в Смоленской губернии. Энгельгардт по натуре исследователь, то есть тот, кто получает удовольствие от собственного открытия нового и неизвестного. Поэтому он не только занялся сельским хозяйством как хозяин, но и вникал в вопросы, почему в его отношениях с работниками все происходит так, а не иначе – не так, как тебе хочется, не так, как ты себе это представляешь.

Подчеркну, А.Н. Энгельгардт был не литературным пу-

стобрёхом, а реальным выдающимся сельским хозяином – тем, кто может достичь самого высокого дохода при минимуме затрат, – Энгельгардт на порядок увеличил денежный оборот имения с тем же количеством земли. Но он не гнался за личным обогащением – это ему было не интересно (хотя и его личный доход тоже рос). Он не сдирал три шкуры с работников и поэтому одновременно поднял и благосостояние крестьян тех деревень, которые на него работали. В своих «Письмах из деревни» он, наблюдая за крестьянами, сообщает об одной особенности русских крестьян, которую остальные исследователи деревни не замечают.

Крестьяне, с одной стороны, имели высокую собственную оценку себя как самостоятельных хозяев и презирали не только бездельных помещиков, но и просто холуёв. И при всём при этом Энгельгардт отмечает у русских и огромную тягу стать холуем – выбиться в «мерсикающий ножкой люд, одевающийся в пиджаки и носящий панью и шильоны». Он пишет, что даже выброшенные после реформы 1861 года дворовые лакеи, всю жизнь выносившие барам ночные горшки, а теперь нищие, и те живут с сознанием своего превосходства перед крестьянами, и, главное, масса крестьян так или иначе это превосходство признают.

Тут следует отдать должное большевикам – при всем «интернационализме» их персонального состава, русскость всё же как-то еще присутствовала. Посему, осенив себя крестным знаменем всепобеждающего учения марксизма и начав

стрелять, куда западные умники указывали, они время от времени стреляли и «в ту сторону». Не совсем по цели, но и недалеко от нее. Они не славили хозяина, как этого требовало русское мировоззрение, но и не славили холуёв, они славили трудящегося. А то, что они не славили холуёв, уже было кое-что. Это уже давало огромный толчок экономике.

Сейчас в Russia совершенно нерусская власть, и это видно по ценностям этой власти – она славит холуёв и комедиантов, не то что хозяева, а даже просто труженики уже за бортом.

Но вернемся к стремлению русских в холуи. В чём тут дело?

В любой человеческой деятельности требуется ум, быть хозяином – это тоже человеческая деятельность, требующая таланта и не всем доступная по уму и воле, – не всем доступная по воспитанию. Если в обществе идеалом является труженик, то волей-неволей будут стремиться стать идеалом даже те, кому это по уму не просто. Но если идеалом в обществе является паразит, то для слабой части общества отказ от личного созидания и паразитизм в любой форме станет жизненным идеалом. Энгельгардт достаточно об этом пишет, к примеру:

«Иные думают, что достаточно родиться мужиком, с малолетства приучаться к мужицким работам, чтобы быть хорошим хозяином, хорошим работником. Это совершенно неверно. Хороших хозяев очень мало, потому что от хорошего хозяина требуется чрезвычайно много. “Хозяйство ве-

сти – не портками трясти, хозяин, – говорят мужики, – загадывая одну работу, должен видеть другую, третью”. “Хозяйство водить – не разиня рот ходить”. И между крестьянами есть много таких, которые не только не могут быть хорошими хозяевами, не только не могут работать иначе как за чужим загадом, но даже и работать хорошо не умеют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.